

СВАЛКА:
ЗАМЕТКИ ОБ УТОПИЧНОСТИ МЕСТА В ЦИКЛЕ
„БДИН” ИВАНА ХРИСТОВА

Ибойя Баги

(Bagi Ibolya, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Orosz Filológiai Tanszék,
H-6722 Szeged, Egyetem u. 2)

„Бдин” Ивана Христова¹ является не только своеобразным по жанру произведением современной болгарской литературы, но и таким многоплановым текстом, который допускает „альтернативные” интерпретации в зависимости от выбранного ракурса исследования. В литературно-критических откликах на „Бдин” повторяющимся мотивом является указание на „утопический характер” выбранного топоса,² и связанные с ним положения. Благодаря известной фразе Георгия Господинова – „...Бдин е не само старото име на Видин, то е едно утопично място...” – „утопизм” стал одним из ключевых понятий в осмыслении художественной концепции автора, в первую очередь в критическом плане. Митко Новков в своей статье отрицает утопичность места, ссылаясь на первые строки стихотворного цикла: „Мила мамо, / аз умрях, / но не отидох във Рая, / а пристигнах във Бдин.” По его определению „Бдин не е u-topia, нито a-topia, да не говорим, че не и hetero-topia, Бдин е real-topia и същевременно ge- и reality-topia”, с други думи „reality-show в наш български/бдински вариант”³.

В моих заметках по поводу характера поэтического топоса *Бдин* я постараюсь указать на те элементы, которые не исключают возможность прочтения текста и в „утопическом коде”. На мой взгляд, „утопизм” связан с определенной позицией лирического героя в осмыслении перспектив человеческого существования с его меняющимся, лабильным статусом в проецированном на Бдин пространстве. Бдин – это одновременно реальный и виртуальный топос в поэтическом мире Ивана Христова, место соприкосновения различных сфер бытия, комплексный образ проблематичности соотнесения конкретно-материального и метафизического уровней человеческого существования. Носителем экзистенциальных кризисов и духовных терзаний, обусловленных определенной системой пространственных и временных координат современной жизни, является alter-ego автора, поэт Иван Христов.

Лирический герой проходит сквозь разные сферы бдинского пространства, испытывает „пустоту” жизни, отсутствие целостности мира

¹ Иван Христов: «Бдин». ИК «Жанет 45», Пловдив, 2004.

² Бдин – старое название города Видин.

³ Новков 2005.

„hic et nunc”, фрагментарность бытия. „Бдин” е книга за дълбокото лично преживяване на едно място на разрухата, на изчерпаността, на невъзможното случване, на било-то, не на бъде-нето”⁴. Реализацией обреченности человека на временное, бесценное, бессмысленное существование является образ „свалки” (Сметището 1; Сметището 2).

Тема мусора, как известно, занимает значительное место в искусстве 20-го века, в рамках „пургаментарного дискурса”: оппозиция чистоты и грязи концептуализируется в самых разных художественных системах. В этом отношении особенно важную роль играют „мусорные топосы”, в том числе свалка, как место хаотического сосуществования живых и мертвых, личных и безличных элементов человеческой среды, свидетельствующих об эфемерности воплощенных в них ценностей. В этом сборе ненужных вещей отсутствует всякий организующий принцип, случайно комбинируются органическое и неорганическое, природное и цивилизованное, отравляя „здоровую” почву человека. Представление о „ненужности”, „бесполезности” и в конечном итоге „бесмысленности” конкретизируется в „грязном” предметном мире, к которому так часто обращаются художники для выражения собственной концепции состояния современного мира и человека. В произведениях, отмечающих „мусорное пространство”, оформляются не только личные представления автора о данном феномене, но выражается родство соприкасающихся миров как в топографическом, так и в метафизическом смысле. Родственный исторический и духовный опыт, культурные традиции связывают разные „регионы”, что способствует выражению общих проблем осмысления человеческого существования с помощью выявления специальных свойств места. Подтверждением этого может послужить поразительное родство „Сметището 1” Ивана Христова со стихотворением сербского писателя-поэта Данила Киша под заглавием „Ѓубриšte” (Свалка).⁵ На основе анализа параллельных художественных приемов и выявления различий в осмыслении „мусорного топоса” сербским и болгарским поэтами мы можем более дифференцировано подойти и к проблеме прочтения „Бдина” Ивана Христова в утопическом коде.

„Свалка” Д. Киша была написана в 1966 году, и считается одним из наиболее характерных стихотворных текстов с точки зрения формирования мировосприятия начинающего писателя. В состоящем из 131 строк свободном стихе подробно перечисляются валяющиеся на свалке деформированные предметы, обломки, остатки ненужных вещей, следы когда-то живой флоры и фауны, интимной человеческой жизни. Между ними нет связи, здесь нет никакой иерархии: в хаосе случайного сосуществования они репрезентируют лишь потерю, рыхлость, раздробленность, где форма и функция, материя и скрытая в ней память о

⁴ Батова 2005; 45.

⁵ Danilo Kiš: Pesme i prepevi. Beograd: Prosveta, 1992.

бывшей личности растворяются в нивелирующем все ценности „мусорном пространстве”. Однако кажущийся вначале нейтральным взгляд поэта-наблюдателя за мертвыми предметами начинает видеть и тревожные сигналы того, „другого” мира, – хотя и деформированные, но все же четко проступающие отпечатки живой жизни. За уродливостью превращенного в мусор мира просвечивает и мир единичного человека с многообразием личных переживаний, с его духовными и душевными порывами и провалами. В результате монтажной техники фрагменты индивидуальной судьбы, опредмеченные в этом мире энтропии, создают собирательный образ современного человека, находящегося в рабстве у безличностных сил, страдающего от несовершенства личного и общечеловеческого бытия. В стихотворении в форме обломков обрисовывается повседневная сфера человека: („Plavi žileti, plave kovertke za žilete, tramvajske karte, etikete”); его духовные кризисы: („Članske karte sa svojih deset zapovesti u koje više niko ne veruje”); интимные связи („Fotografije snimljene pri mesečini”); крах интеллектуальных стремлений („Drečeći omoti knjiga kao krvava materica muza poezije”); умерщвление жизни в пошлости сексуального акта („Prezervativi u čijoj ljugavoj kesi trunu homunkulusa”) – то есть целая гамма поступков и переживаний, органически связанных с „экспонатами” свалки.

Почти та же самая картина представляется в стихотворении „Сметището I” из цикла Христова. Однако в данном случае перечисление предметов следует только после констатации безграничности пространства, в результате чего смысляется „дискретность” мусорного топоса: „Сметището в Бдин / има това свойство, / че никога не свършава. Откога вървя, вървя, вървя... / То е начало и край, / бескраен хоризонт на очакване.” В этом безвременном и безграничном мире обрисовывается хаотичность материального и духовного состояния мира с помощью таких же приемов, как у Д. Киша – в первую очередь бесстрастным перечислением потерявших прежнюю ценность и функцию предметов. „Тук може да се види всичко: / от парчета пластмаса / до изрезки от стари вестници, / непотребни билети за влак, / снимки на непознати момичета, / сакати детски кончета, / бутилки Coca-cola, бюстове на Ленин и Сталин, / използвани презервативи, / счупени и пречупени кръстове, / книги от Марко през Маркс до Маркес, / полумесец до сърп и чук...” Эмблематичные предметы указывают одновременно и на реальность и на иллюзорность места, и вместе с тем на переживание лирического героя, являющегося как „жертвой” псевдо-действительности, участником reality-show, так и „интерпретатором спектакля”.

В художественной концепции обоих поэтов „мусорное пространство” приобретает онтологический статус, как постоянно меняющий свой облик ориентир для человека в непрочности бытия. Таким образом свалка – это гротескное воплощение „грязного космоса”, сферы жизни и смерти, бесперспективности и обновляющихся надежд потерявшего свою естественную „природную почву” человека. Ищущий

органический контакт с миром лирический герой Христова, исходя из своего экзистенциального и духовного опыта, мечется среди разных вариантов осмысления своей позиции в окружающем его мусорном пространстве: „Понякога лягам / в някой кашон / и се чувствам / като дете / в утроба, / сънувам, че летя... / Понякога сметището / е топло и диша. / Понякога си мисля, / че хората тук / живеят като прелетни / птици – / От Север на Юг / от топло към студ / и обратно.”

В сфере „свалки” Д. Киша отдельные предметы имеют свою судьбу, напоминают о каком-то бывшем „чистом”, „здоровом” состоянии, об их принадлежности к действительно живому миру. Они являются документами личностного существования, хранят память о своей „домусорной” сущности. В последних десяти строках стихотворения выделяется лишь один элемент – розы. В гипертрофированном образе „розы на свалке” выражается авторское убеждение о возможном смысле „отдельного” и „общего” существования, увидеть изначальную чистоту в запачканном мире реальности. Розы становятся источником творческой инспирации. Их конкретная субстанция, свидетельствующая о тленности материального мира, и скрывающаяся в них судьба, то есть их связь с трансценденцией, составляют единое целое. Последняя строка является документацией не оставленной надежды в реализации творческих возможностей человека, в стремления поэта исполнить свою „миссию”: в „чистой” форме воссоздать, с помощью творческого акта одухотворить „грязный” материал, таким образом превращая „мусорный топос” в „культурное пространство”: „*гуђе zbog kojih sam se probudio u 3.30 поу као ih ne bih do sutra zaboravio*”.

В произведении Ивана Христова, строящемся на другом духовном опыте, связанном с эмпирическими и спиритуальными дилеммами конца XX столетия того же региона, такая надежда в эксплицитной форме не выражается. Наоборот, как справедливо замечают критики, „Бдин” является обобщенным образом, „мертвым местом”, „свалкой”, где собранные, потерявшие свою ценность и смысл материальные и духовные обломки жизни являются лишь фрагментами бывшего единства. Обрести изначальную целостность жизни, восстановить гармоническое существование совершенно невозможно: „Бдин е провал/крахът на обещанието и на надеждата”⁶. Мнимость, иллюзорность мира становится очевидным в каждый момент. „Ако се докоснеш / до някого, / в миг се обръща / на прах.” „Сей мир” лишь декорация несуществования, о разных планах которого информирует лирический герой в отдельных стихотворных фрагментах. Однако произведение в целом, подобно стихотворению Д. Киша, нельзя считать просто „регистрацией, констатацией и перформацией”, а скорее манифестацией борьбы с духом и материей „мусорного пространства”, в надежде преодоления обреченности

⁶ Новков 2005.

человека на бессмысленное существование. Несмотря на то, что начинания лирического героя оканчиваются неудачей и даже крахом, он не может вступить в естественный контакт с миром – „Понякога срещам / и други поети, / но те говорят чужди езици / и принадлежат към / чужди литератури, / така че не можем / да осъществим контакт” – художественное видение Ивана Христова, его „Бдин” не говорит о совершенной безысходности, бессмысленности бытия. В сложной метафорической системе произведения, главным элементом которой является река, все-таки просвечивает надежда, правда, в совершенно другом измерении. Как отмечает Пенка Ватова, надежда „е неартикулираната, проблематичната, но не и липсващата страна във възприемането на света в ‘Бдин’”⁷. Река Ивана Христова как некая вечная органическая стихия, замещает традиционную „почву”, в ней скрываются самые противоположные потенции онтологического характера, связанные с жизнью, смертью и возможностью перерождения человека.

Мотив реки, как одного из наиболее емких и многозначных поэтических символов, связывает отдельные части текста. Согласно мифологическим представлениям, река символизирует течение времени, вечность и забвение, связана „с идеями судьбы, смерти, страха перед неведомым, с физиологическими ощущениями холода и темноты, эмоциональными переживаниями утраты, разлуки, ожидания”⁸. „О, Реката! / Тя е толкова / непостоянна, / ефирна и лека, / но как силно боли, / когато убива. / И ние нямаме шанс, / защото тя е всичко / за нас, / нашата Смърт / и нашето щастие, / нашата Вечност.”

Вода в художественном мире Христова выполняет те же функции, которые приписаны ей и народным толкованием – как основной стихии мироздания, источнику жизни и средству магического очищения. Вместе с тем водное пространство является границей между „этим” и „тем” светом, путем в загробное царство. Символика воды у Христова связана, с одной стороны, с ее природными свойствами: прозрачностью, свежестью, быстрым течением, способностью очищать, а с другой – с представлениями о воде как опасном „чужом” пространстве, принадлежащем потусторонним силам. „Спи вечната вода, безбрежна / вода – бездънна, / безсънните ни клепки ще обори, / ще ни целуне в устинете безмълвни. / Спи вечната вода, бездънна / вода – безбрежна, / челата морни ще обнажи, / ще приласкае тръпните тела. / Предвечната вода, всевечната / вода – кристална, / тъй както камъка / стопява тя – / превръща в пара / неговия Ангел”.

Река Ивана Христова граничит с миром „Бдина”, с миром лирического героя, и в этом отношении органически связана с качествами данного пространства, в том числе и с его „мертвой” субстанцией. В тексте постоянно возвращается мотив смерти лирического героя: „Аз паднах,

⁷ Ватова 2005; 47.

⁸ Топорков 1995; 333.

майко, / аз съм мъртъв, / но помня / времето когато / ме хранеше със / мляко / и вишнев цвят, / и вишнев цвят." Смерть однако воспринимается не как „смерть автора", а наоборот, как его „эксперимент" расширения пространства пока еще открытой, непознанной жизни. В гротескном финале произведения в надежде приобретения нового пространства происходит „освободительное преодоление недостаточной адекватности земного бытия" (Э. Блох). Бег из „мусорного пространства" в неизвестное измерение обещает другой статус существования, происходит онтологический переворот, своеобразное спасение. Но это спасение воспринимается не в сакральном, а в утопическом смысле, как обещание воссоздания онтологического единства мира и человека. Сакральный акт спуска под воду сопровождается профанным звуком „бълбук!", таким образом снимается пафос в традиционном смысле „спасения". Последний момент земного присутствия героя, его прощание („С богом!") является отказом от „грязного" существования, однако „самоубийство" завершает только его „бдинскую судьбу", а настоящая его жизнь „очищается" благодаря творческому акту самого автора, в едином пространстве художественной проекции Ивана Христова.

Литература

Ватова, П. Да пристигнеш в Бдин // Хемус 2005/2 45–51.

Новков, М. Re-

[Al-[topia]

[Ity // Литературен вестник. № 16. 27 апр.– 3 май 2005.

Топорков, А. Л. Река // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. 332–334.